

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Влияние ситуации в Афганистане на международные отношения
на современном этапе

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.ю.н

должность, ученая степень

Э.А. Павельева

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

Л.И. Фурштейн

инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. История движения «Талибан»	6
1.1. Истоки, приход к власти и правление: 1994–2014 гг.	6
1.2. Дорога к возвращению: 2015-2021 гг.....	11
1.3. Захват власти: 2021 г.....	13
1.4. Признание и дипломатическое представительство	19
2. Отношения великих держав с движением «Талибан»	24
2.1. Российско-китайские отношения на фоне захвата власти талибами.....	24
2.2. Перспективы сотрудничества России и Китая в рамках афганской повестки	33
2.3. Российско-американские отношения на фоне захвата власти талибами	36
Заключение	43
Список использованных источников	46

ВВЕДЕНИЕ

В 1994 году на территории Афганистана началась история одной из самых необычных исламских радикальных организаций, которая на долгие годы стала главным врагом США и других стран Запада – Талибана. Это движение сумело захватить значительную часть территории страны и провозгласить о создании государства нового типа. Исламский Эмират Афганистан даже был признан несколькими государствами: Саудовской Аравией, Пакистаном и ОАЭ.

Движение «Талибан» играет одну из ключевых ролей во внутривластном процессе Афганистана. В то же время его роль не ограничивается исключительно внутривластным, внутриафганским контекстом. Создание движения «Талибан» произошло при значительном влиянии внешнего фактора. Региональные и внерегиональные игроки рассчитывали использовать движение как инструмент достижения своих целей в длительном и кровопролитном конфликте, охватившем Афганистан. Финансами движению помогала Саудовская Аравия, поставки оружия осуществлялись Пакистаном, а США обеспечивали политическую поддержку.

За последнее десятилетие «Талибан» постепенно превратился из международного изгоя в законную сторону в афганском конфликте и приветствуется во многих столицах мира. Талибан систематически работал над расширением своих связей, уменьшением зависимости от Пакистана и получением международного признания.

Возвращение талибов к власти произошло почти через 20 лет после того, как военная кампания под руководством США свергла эту группировку в ответ на то, что она укрывала международную исламистскую террористическую группировку «Аль-Каида», которая совершила теракты 11 сентября 2001 года. Талибы перегруппировались и начали повстанческое движение, которое к 2005 году бросило вызов американским и международным вооруженным силам, а

также новому афганскому правительству и его зарождающимся силам безопасности в некоторых частях страны.

7 сентября 2021 года талибы объявили о создании «временного правительства» для управления Афганистаном. Это объявление было сделано через несколько недель после того, как Талибан, правившее большей частью Афганистана с 1996 по 2001 год, вернуло себе контроль над страной после краха бывшего афганского правительства, поддерживаемого США, на фоне вывода американских войск. Захват власти Талибаном изменил региональную динамику, создав проблемы и возможности для противников и конкурентов США.

Актуальность данной работы обусловлена активной ролью движения в политических процессах региона и его стремление получить признание в качестве одного из акторов внутривнутриполитического процесса Афганистана на международной арене.

Целью данной выпускной квалификационной работы является выявление роли движения «Талибан» в межафганском урегулировании и его влияния на региональные и международные политические процессы. А также рассмотреть, как великие державы, такие как Россия, США и Китай, используют «Талибан» для продвижения своих внешнеполитических и внешнеэкономических интересов.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- выявить историко-политические предпосылки, приведшие к возникновению движения Талибан;
- определить цели и методы движения «Талибан»;
- изучить идеологию движения, раскрыть организационную структуру и охарактеризовать режим правления талибов;
- рассмотреть деятельность движения на региональном и международном уровне.

Предмет исследования: эволюция движения «Талибан» и его роль в региональных политических процессах.

Объект исследования: движение Талибан как военно-политическая организация.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

1. История движения «Талибан»

1.1. Истоки, приход к власти и правление: 1994–2014 гг.

В 1993-1994 годах афганские священнослужители и студенты-сунниты, в основном из сельской местности, пуштунского происхождения, сформировали движение “Талибан”. Многие из них были бывшими антисоветскими боевиками, известными как моджахеды. После вывода советских войск в 1989 году и последующего краха, поддерживаемого Советским Союзом, афганского правительства в 1992 году между партиями моджахедов вспыхнула гражданская война. Те бывшие боевики, которые разочаровались в гражданской войне, составили группу талибов. Многие члены движения учились в семинариях в Пакистане и выбрали название «Талибан», чтобы дистанцироваться от моджахедов. Согласно отчету Национальной комиссии по террористическим атакам против Соединённых Штатов, Пакистан поддерживал Талибан из-за способности этой группировки навести порядок в хаотичном Афганистане, а также Пакистан рассматривал талибов в качестве союзников.

Верования и обычаи талибов были созвучны с консервативными племенными традициями пуштунов, которые представляют собой большинство сложного этнического состава Афганистана.

Талибы считали оккупационное правительство президента Бурхануддина Раббани слабым, коррумпированным и настроенным против пуштунов. Четыре года гражданской войны между группировками моджахедов (1992–1996) привели к массовой поддержке талибов, поскольку они считались менее коррумпированными и более способными обеспечить стабильность. Талибы взяли под свой контроль южный город Кандагар в ноябре 1994 года и начали серию вооруженных кампаний по всей стране, кульминацией которых стал захват Кабула 27 сентября 1996 года. К концу 1996 года оппозиция контролировала примерно 10-15% территории Афганистана. [1]

Талибы быстро потеряли международную и внутреннюю поддержку, поскольку группировка навязала строгую приверженность своей интерпретации ислама в районах, которые она контролировала, и применила суровые наказания, включая публичные казни, для обеспечения соблюдения своих указов, включая запрет на телевидение, западную музыку и танцы. Значительно урезали права женщин. Им нельзя было появляться с открытым лицом или без сопровождения мужа или родственников в людных местах. Работать им также запрещали. Талибы также значительно ограничили доступ девочек к образованию. В марте 2001 года Талибан вызвал международное осуждение, уничтожив монументальные статуи Будды шестого века, которые были высечены в холмах над городом Бамиан. Талибы сочли их идолопоклонством и противоречащими исламским нормам.

Укрытие талибами лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена в конечном итоге стало центральной проблемой, которая влияла на международные взгляды и отношения с талибами в целом. В 1996 году бен Ладен переехал из Судана в Афганистан, где ранее провел большую часть 1980-х годов в качестве крупного финансиста и организатора усилий по оказанию помощи моджахедам [2]. Бен Ладен заключил союз с талибами, предоставляя им финансовую помощь в миллионы долларов, а также военную поддержку для завершения захвата Афганистана. Талибы, в свою очередь, предоставили укрытие членам «Аль-Каиды» и тренировочные лагеря.

В ответ на взрывы американских посольств в Африке в августе 1998 года США нанесли удары крылатыми ракетами по целям «Аль-Каиды» в Афганистане. Им не удалось ни убить бен Ладена, ни убедить талибов изгнать его. Давление США на Саудовскую Аравию и Пакистан, которые, как и ОАЭ, официально признали правительство талибов, с целью использовать свое влияние, чтобы убедить талибов изгнать лидера «Аль-Каиды», оказалось настолько же безуспешным. Соединенные Штаты и ООН также ввели санкции против талибов [2]. Руководство талибов было непоколебимо; их отношения с

бен Ладеном были иногда напряженными, но их основа была глубокой и личной.

Можно говорить о том, что, хотя некоторая группа талибов выступала против связей с «Аль-Каидой», ссылаясь на цену отношений с точки зрения международного имиджа талибов и давления США, общая идеология связывает две группы до такой степени, что полный разрыв между ними маловероятен. Динамика сил между «Аль-Каидой» и «Талибаном» значительно изменилась за последние 20 лет: финансовая и военная поддержка «Аль-Каиды» имела решающее значение для поддержки талибов до 2001 года, но не играла никакой прямой роли в возвращении талибов к власти в 2021 году.

11 сентября 2001 года боевики «Аль-Каиды» совершили серию терактов в США, в результате которых погибло около 3000 человек. В общенациональном обращении перед совместным заседанием Конгресса 20 сентября 2001 г. Президент Джордж Буш потребовал, чтобы талибы выдали лидеров «Аль-Каиды», навсегда закрыли тренировочные лагеря террористов и предоставили Соединенным Штатам доступ к таким лагерям, добавив, что талибы должны выдать террористов, или они разделят свою судьбу [3]. Лидеры талибов отказались, сославшись на статус бен Ладена как на гостя и отсутствие доказательств его причастности к терактам.

В соответствии с разрешением на применение военной силы против виновных в нападении, а также тех, кто помогал им или укрывал их, военные действия США в Афганистане начались 7 октября 2001 г. с авиаударов по объектам талибов по всей стране и непосредственной авиационной поддержки антиталибских афганских сил, известных как Северный Альянс. Ограниченное количество сил специального назначения армии США, военизированных формирований Центрального разведывательного управления и обычных сухопутных войск начали развертывание в Афганистане менее чем через две недели. К 13 ноября талибы эвакуировали Кабул, который вскоре отбили поддерживаемые США афганские силы.

В конце ноября 2001 года Организация Объединенных Наций созвала лидеров афганской оппозиции в Бонне для формирования переходного правительства несмотря на то, что силы Талибана все еще вели боевые действия в Кандагаре. Талибы не участвовали в тех переговорах, на которых лидеры афганской оппозиции избрали Хамида Карзая временным руководителем страны. В декабре 2001 года лидер талибов мулла Мохаммад Омар предложил признать Карзая и сдать свое оружие и Кандагар силам афганской оппозиции в обмен на разрешение вернуться в свои дома. Некоторые лидеры талибов были арестованы и задержаны; другие, такие как Омар, бежали в Пакистан, куда также бежали многие лидеры “Аль-Каиды” [4].

Среди основных причин поражения талибов в 2001 году можно выделить следующие:

1. Наличие внутренней оппозиции в лице Северного Альянса, который стал ядром антиталибской борьбы;
2. Подавляющее технологическое превосходство войск коалиции;
3. Неготовность талибов к полномасштабным военным действиям. В Афганистане во все времена боролись с интервентами, в основном партизанским путем;
4. Отказ Пакистана в поддержке талибов.

Официальные лица США объявили о прекращении крупных боевых действий в Афганистане 1 мая 2003 г. К 2005 г. разрозненные силы Талибана начали перегруппировку на юге и востоке Афганистана, а также в Пакистане. К 2009 году талибы расширили свое присутствие на севере, достигнув районов, удаленных от юга и востока. Хотя движение «Талибан» не пользовался тогда значительной поддержкой населения, сочетание факторов, в том числе широко распространенная коррупция в правительстве Афганистана позволили им проникнуть в местные сообщества; талибы также расширили свое влияние за счет запугивания.

Талибан также скорректировал свою тактику, сосредоточившись на скоординированных нападениях на удаленные аванпосты сил США и коалиции,

а также на применении самодельных взрывных устройств. В ответ Соединенные Штаты активизировали свои усилия по борьбе с повстанцами, президент Обама объявил в 2009 году о дополнительном увеличении американского военного контингента, а также о финансировании Афганистана, уже в 2010 году 100 000 американских военнослужащих находились в Афганистане вместе с другими международными силами [5].

Вмешательство международных сил ослабило контроль талибов на юге и востоке, но не ликвидировало его. Афганские силы были ослаблены высокими показателями потерь и истощения, а также коррумпированной цепочкой командования, и по-прежнему в значительной степени зависели от Соединенных Штатов в плане материально-технической и тактической поддержки. В свою очередь, Талибан обладал крупной и эффективной разведывательной сетью, его боевики сохраняли высокую мотивацию, а группировка использовала гибкий набор тактических и стратегических подходов для расширения своего влияния и борьбы с силами США, и Афганистана. Успешные операции талибов часто подрывали возможности афганского правительства, а также доверие афганской общественности к правительству и его силам безопасности.

Администрация Обамы пришла к выводу, что конфликт не имеет военного решения, и начала переговоры на низком уровне с талибами еще в конце 2010 года. Переговоры были сосредоточены в основном на мерах укрепления доверия, включая открытие недолговечного политического офиса талибов в Дохе, Катар. Отказ талибов взаимодействовать с афганским правительством и противодействие афганского правительства переговорам США с талибами, на которых правительство не было представлено, в конечном итоге привели к прекращению переговоров в 2014 году [6].

Подводя итог, можно говорить о том, что отношения движения «Талибан» и США на начальном периоде их правления были неустойчивые, а после уже и враждебные. Изначально США приветствовали Талибан в качестве новой военно-политической силы. По мнению американского эксперта Р.

Маккензи, Вашингтон рассчитывал на то, что талибы будут сдерживающим фактором в попытках России и Ирана укрепить свое влияние в Афганистане. Более того, они были уверены, что группировка сможет покончить с анархией и междоусобицей, которые охватили Афганистан. Запад также полагал, что Талибан ликвидирует на своей территории лагерь исламистских группировок и поспособствуют возвращению ко власти бывшего короля Мухаммеда Захир-шаха.

Придя к власти, талибы не оправдали надежд США: они не только не ликвидировали лагерь для подготовки боевиков, но и создали новые. Особые опасения со стороны США вызывал лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен, которого талибы приняли у себя как почетного и дорогого гостя. Поэтому неудивительно, что политика американцев по отношению к талибам повернулась на 180 градусов.

1.2. Дорога к возвращению: 2015-2021 гг.

Афганские силы официально взяли на себя полную ответственность за безопасность по всей стране в начале 2015 года, хотя они по-прежнему полагались на военно-воздушные силы США, обучение и материально-техническую поддержку для поддержания своих операций. 2015 год был переходным периодом и для талибов: группировка заявила, что ее основатель мулла Мохаммад Омар умер в 2013 году, и объявила муллу Ахтара Мансура новым лидером. Группировка захватила столицу северной провинции Кундуз в сентябре-октябре 2015 года, что стало их первым захватом крупного городского района с 2001 года.

Мансур был убит в результате удара американского беспилотника в Пакистане в мае 2016 года, и его место занял Хайбатулла Ахундзада, которого некоторые аналитики считают «сдержанным» и «потенциальным объединителем» [7]. В июле 2016 года президент Обама объявил, что он сохранит в стране 8400 военнослужащих США до конца своей администрации,

что превышает запланированный уровень, заявив, что афганские силы все еще не так сильны, как должны быть.

В августе 2017 года талибы опубликовали открытое письмо, адресованное президенту Трампу, в котором призвали его вывести американские войска из Афганистана, ссылаясь на слабость и некомпетентность афганского правительства. Президент Трамп впервые приказал провести официальные и прямые переговоры между США и талибами без участия афганского правительства. Кульминацией этих переговоров стало подписанное в феврале 2020 года соглашение между США и талибами, в котором обе стороны договорились о двух взаимосвязанных обязательствах: вывод всех американских и международных сил к маю 2021 года и содействие талибов по предотвращению использования афганской земли другими группировками, включая «Аль-Каиду», для угроз Соединенным Штатам и их союзникам [8].

Соединенные Штаты также обязались содействовать обмену пленными между талибами и афганским правительством. Франция и Австралия выступили против освобождения некоторых конкретных заключенных талибов, обвиняемых в нападениях, в результате которых погибли граждане этих стран. Перед завершением освобождения заключенных в некоторых сообщениях СМИ указывалось, что освобожденные боевики Талибана возвращаются или намереваются вернуться на поле боя, при этом в одном сообщении от июня 2020 года цитируется командир талибов, который сообщает, что освобожденные боевики будут передислоцированы.

Некоторые заключенные талибов, освобожденные в 2020 году, участвовали в военных наступлениях, которые привели к захвату власти талибами в августе 2021 года. Афганское правительство завершило свое освобождение 5000 заключенных талибов в сентябре 2020 года, после чего начались первые прямые переговоры между талибами и афганским правительством. Эти переговоры застопорились и не привели к заметному прогрессу.

В соглашении подробно описывался механизм и график вывода американских войск, который должен быть осуществлен в несколько этапов, до 11 сентября 2021 года. При этом переговоры между США и Талибаном не определили, как будет формироваться коалиционное правительство. Стороны приняли оставить этот круг вопросов на усмотрение внутриафганских переговоров, которые должны были начаться в марте 2021 г. [9]. Однако эти переговоры так и не начались; делегация афганского правительства несколько раз летала в Доху, но руководство движения Талибан затягивало их начало.

В результате мирные соглашения, по сути, в одностороннем порядке выполнялись только США, которые вывели свои войска согласно согласованному графику. Но поскольку официальные переговоры между афганским правительством и талибами практически сорваны, весь дальнейший процесс транзита власти решался в ходе закулисных договоренностей между частью афганской политической элитой и руководством талибов. Именно эти неформальные договоренности, видимо, и предопределили следующий механизм прихода талибов к власти.

1.3. Захват власти: 2021 г.

Талибан получил контроль над значительной территорией: в октябре 2018 года, группировка контролировала до 40% территории Афганистана, и в последующие годы продолжала постепенно набирать обороты.

В начале мая 2021 года талибы начали стремительное наступление, захватив обширные участки сельских районов страны, а также укрепив контроль над некоторыми районами, в которых они уже имели значительное присутствие. В июле талибы начали захват пограничных районов с Таджикистаном, Ираном и Пакистаном. Талибы контролировали более 200 районов, но не захватили столицы провинций, где были сосредоточены афганские силы.

6 августа 2021 года талибы захватили столицу провинции Зарандж. С падением Джелалабада на востоке и Мазари-Шарифа на севере талибы захватили последние крупные города и уничтожили последние аванпосты афганского правительства. Утром 15 августа 2021 года талибы начали входить в Кабул, завершив фактический захват страны. Захватив Афганистан, талибы завладели большим количеством оборудования, поставленного Соединенными Штатами бывшему афганскому правительству.

7 сентября 2021 года официальный представитель талибов Забихулла Муджахид впервые официально появился на публике. Он назвал имена 33 человек, которые были названы «исполняющими обязанности» министров, которые составляют «кабинет временных исполнителей» для управления страной. Лидер талибов Хайбатулла Ахундзаде должен нести верховную власть в качестве эмира группировки [10].

Основным фактором, который обеспечил захват страны, является полный провал американской стратегии.

Если говорить о национальном строительстве, США и НАТО с самого начала слишком упрощенно представляли себе ситуацию в Афганистане, поэтому просто не оказались готовыми к необходимости разрешения внутренних афганских противоречий и проблем. Главный момент политических разногласий в стране заключается в проблеме власти. Основной вопрос состоит в том, каким Афганистан должен быть в будущем – пуштунским национальным государством, каким он и был со дня своего основания или же федеративным образованием, где меньшинства севера имели бы равный доступ к ресурсам и власти.

Со времен советской интервенции, политический и этнический баланс в Афганистане, который складывался веками, был окончательно нарушен – в течение 80-90 годов меньшинства севера смогли получить в свои руки военные и экономические ресурсы и были не согласны мириться с политическим доминированием пуштунского большинства. В свою очередь, пуштуны наотрез были не согласны принять новые реалии и военно-политический расклад;

именно по этой причине многие пуштунские племена до сих пор поддерживают движение Талибан, которое они считают практически единственной силой, способной стабилизировать ситуацию в стране.

Придя в Афганистан, Запад планировал вернуть страну в формат национального афганского (пуштунского) государства – частично из-за позиции Пакистана, частично из убеждения, что национальные меньшинства не смогут обеспечить контроль над всей территорией Афганистана. Поэтому, изначально стратегия США по сути заключалась в поддержке процесса «ре-пуштунизации» властных и силовых структур. Уже в середине 2000-ых Соединенные Штаты Америки начали реализацию плана по нейтрализации Северного Альянса.

Правительство Карзая, а потом и Гани, заручившись поддержкой США, приложило все усилия для раскола Северного Альянса. Оба президента последовательно проводили политику пуштунизации административного аппарата и силовых структур провинциях Севера. Более того, руководство вполне успешно способствовало подрыву боеспособности бывших структур Северного Альянса, в котором они видели основную угрозу стабильности страны.

Проблема состояла в том, что единственным союзником НАТО на местном уровне оставался Северный Альянс, который представлял интересы национальных меньшинств, то время как Талибан, который противостоял западной коалиции, традиционно опиралось на пуштунское большинство. В результате, Северный Альянс на сегодняшний день разрушен, но пуштунское большинство по-прежнему поддерживает талибов [11]. Таким образом, процесс ре-пуштунизации, закономерно завершился приходом к власти «Талибан».

Стоит отметить, что ни одна из четырёх администраций США так и не смогла снизить уровень коррупции в Афганистане. Напротив, к 2021 году уровень коррупции достиг практически катастрофических масштабов, поразив все структуры – от гражданских институтов до полиции. Все это вызывало

глубокое возмущение и недовольство среди населения и кардинальным образом снижало популярность правительства в стране.

Провальным оказался и процесс национального урегулирования, который пытались продвигать США. После прихода к власти администрации президента Обамы Соединенные Штаты утвердили новый план урегулирования афганского кризиса, согласно которому должен был начаться переговорный процесс с талибами. США надеялись убедить Пакистан отказаться от поддержки талибов, выделяя этой стране огромные суммы в качестве финансовой поддержки, а также приняли все условия пакистанского руководства относительно будущего устройства Афганистана [11]. Таким образом, план мирного урегулирования отражал, прежде всего, позиции и интересы Пакистана, который самого начала настаивал на возврате талибов во власть.

Совокупность всех приведённых факторов в итоге и послужила причиной создания благоприятных условий для захвата власти со стороны талибов в скором времени после начала вывода войск Соединённых Штатов Америки.

Тем не менее приход талибов к власти в августе 2021 года перевернул региональную динамику, а взгляды талибов на соседей Афганистана и их отношения к ним различаются и, вероятно, будут продолжать развиваться по мере того, как группировка начнет править. Пакистан уже давно играет активную, подрывную и дестабилизирующую роль в афганских делах.

Многие эксперты рассматривают захват власти талибами как существенный триумф Пакистана, укрепляющий его влияние в Афганистане и продвигающий свои многолетние усилия по ограничению индийского влияния там.

Однако несмотря на некоторые проталибские заявления высокопоставленных пакистанских официальных лиц, приход к власти талибов может создать проблемы и осложнения для Пакистана. Афганистан и Пакистан уже давно имеют спор по поводу их общей границы протяженностью 1600 миль. Талибан, как и прошлые афганские правительства, не принял «линию Дюранда». Такие разногласия могут усугубить пуштунский национализм

внутри Пакистана, создав потенциальную горячую точку в отношениях в будущем. Пакистан выражают сильную обеспокоенность перспективой того, что захват власти талибами может также усилить позиции исламистских боевиков, которые продолжают действовать на пакистанской территории.

Присутствие пакистанских талибов в Афганистане может также подорвать отношения между Пакистаном и талибами. Обе стороны уже столкнулись с трениями, в том числе с приостановкой в октябре 2021 года государственных чартерных рейсов «Пакистанских международных авиалиний» из Кабула из-за «ненадлежащего поведения» талибов [12].

Китай имеет небольшую малонаселенную границу с Афганистаном и в последние годы играл относительно ограниченную роль в афганских делах. С экономической точки зрения китайские инвестиции, особенно в разработку афганских полезных ископаемых и других ресурсов, привлекали некоторое внимание в прошлом, но крупные проекты не были реализованы из-за нестабильности, отсутствия инфраструктуры и других ограничений. Афганистан не был важной частью китайской инициативы «Один пояс - один путь» или китайско-пакистанского экономического коридора, отчасти из-за напряженности в отношениях между Пакистаном и бывшим афганским правительством. Тем не менее потенциальное минеральное богатство Афганистана в сочетании с захватом власти талибами может привести к более активному участию Китая в Афганистане.

Китайское правительство заявило о своей поддержке талибов с момента захвата власти в Афганистане и встречалось с этой группой как до, так и после захвата власти. Хотя китайские официальные лица подчеркивали важность создания «инклюзивной политической структуры» в стране, некоторые аналитики пришли к выводу, что признание Китаем «Талибана» в качестве правительства Афганистана почти неизбежно. Китай действительно поддерживает правительство талибов и призывает группу создать «инклюзивную политическую структуру».

В сентябре 2021 г. министр иностранных дел Китая заявил, что экономические санкции в отношении Афганистана должны быть прекращены и что валютные резервы страны принадлежат афганскому народу и не должны использоваться для оказания политического давления. Со своей стороны, талибы заявили, что они намерены тесно сотрудничать с Китаем. [13]

Подъем талибов в Афганистане также имел последствия для Ирана, хотя и не такие серьезные, как для Пакистана. Будучи стойкими антишиитами, талибы укрывали активистов как Ахли-Сунна Вал Джамаат, так и Муджахедин-и Халк, двух противников исламского режима в Иране.

Однако, поскольку Иран является преимущественно шиитским, талибы не представляют серьезной угрозы его социально-политическому устройству.

Интересы Ирана в Афганистане включают сохранение своего исторического влияния в западном Афганистане, защиту афганского шиитского меньшинства и сокращение потока беженцев в Иран. Правительство Ирана приветствовало вывод из Афганистана войск Америки, что президент Эбрагим Раиси охарактеризовал как поражение, и призвало к национальному единству в стране. Иранские официальные лица осудили захват Панджшера талибами в сентябре 2021 года и выразили обеспокоенность по поводу состава правительства талибов [14]. Другие аналитики утверждают, что Иран вряд ли выступит против Талибана, чтобы избежать дальнейшей нестабильности, и будет продолжать искать компромисс с группировкой.

Центральноазиатские соседи Афганистана (Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) по-разному отреагировали на приход к власти талибов. Туркменистан и Узбекистан, отдают приоритет экономическим связям, включая планируемый газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия, и имеют официальные контакты с талибами (например, октябрьское соглашение министра иностранных дел Узбекистана визит в Кабул в 2021 г.)

С другой стороны, Таджикистан отверг правительство талибов и стал главным региональным антагонистом группировки в результате как собственной исторической борьбы Таджикистана с исламистскими боевиками,

так и этнолингвистических связей с афганскими таджиками, которые выступают против правления талибов. Сообщается, что Таджикистан предоставил убежище видным афганским лидерам, выступающим против талибов, таким как Амрулла Салех и Ахмад Масуд, а его официальные лица подвергли критике правительство талибов, что побудило талибов предостеречь Таджикистан от вмешательства в афганские дела.

Россия уже давно выражает обеспокоенность по поводу нестабильности в Афганистане и потенциального распространения радикального ислама, наркотиков и беженцев в Центральной Азии и в России. Первоначальные российские заявления предполагают, что российское правительство стремится продолжать развивать свои отношения с талибами, включая приглашение группировки принять участие в многосторонних переговорах в Москве в октябре 2021 года, хотя оно обеспокоено влиянием захвата власти талибами на интересы России.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил на пресс-конференции 25 сентября 2021 года: «Вопрос о международном признании движения «Талибан» на данном этапе никем не ставится» и что Россия работает с Китаем и Пакистаном над гарантией того, что Талибан сдержит свои обещания инклюзивного управления. Российские официальные лица также выразили поддержку Таджикистану, в котором находится крупнейшая внешняя военная база России [15].

1.4. Признание и дипломатическое представительство

Талибы впервые пришли к власти, когда они взяли под свой контроль Афганистан 27 сентября 1996 года, и продолжали править страной до тех пор, пока в июне 2002 года при поддержке США не была создана Переходная администрация.

В эти годы они были признаны правительством Афганистана только Пакистаном, Объединенными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией,

несмотря на то, что они фактически контролировали 90 процентов территории Афганистана. Пакистан был первой страной, признавшей правительство, и с тех пор прилагал настойчивые усилия, чтобы обеспечить талибам место страны в ООН. Тем временем Саудовская Аравия и ОАЭ признали Талибан в попытке противостоять растущему иранскому влиянию в стране. Саудовская Аравия приостановила дипломатические отношения после того, как лидер талибов мулла Мухаммад Омар отказался выдать Усаму бен Ладена в августе 1998 года [16]. Однако, несмотря на непризнание и отсутствие дипломатических отношений между талибами и непризнавшими государствами, талибы действительно сформировали правительство Афганистана в это время в соответствии с международным правом.

В настоящее время талибы контролируют обширные территории Афганистана, включая его столицу и столицы провинций, они осуществляют контроль над государственным аппаратом. Избранный президент Гани покинул страну и не утверждает, что он все еще у власти, и его заявления после отъезда признают де-факто власть талибов и возлагают на них ответственность за управление страной. Однако возникло движение сопротивления в лице Амруллы Салеха, первого вице-президента администрации Гани, который претендует на роль исполняющего обязанности президента в соответствии с конституцией, и Ахмада Масуда, видного племенного вождя и главы недавно провозглашенного Фронта национального сопротивления Афганистана. Оба нашли убежище в Панджшерской долине, там же, где в 1990-х годах укрывался режим Раббани, и ищут внешней поддержки, чтобы противостоять талибам или заставить их принять соглашение о разделе власти [17]. Еще неизвестно, окажут ли они какое-либо серьезное сопротивление талибам.

Госсекретарь США Энтони Блинкен назвал Талибан «де-факто правительством» Афганистана перед Комитетом по иностранным делам Палаты представителей 13 сентября, что указывает на растущее признание того, что они обладают эффективным контролем над территорией. ЕС в своей последней резолюции также признал, что талибы де-факто являются

правительством, с которым необходимо оперативное взаимодействие, но с которым не будет официального признания [17].

По состоянию на ноябрь 2021 года ни одно другое правительство не предоставило официальное признание правительству талибов. Однако, как сообщается, несколько посольств (в том числе посольства России, Китая, Ирана, Катара, Турции и республик Центральной Азии) остаются открытыми в Кабуле. Кроме того, некоторые высокопоставленные региональные чиновники (в том числе глава пакистанской разведки и министры иностранных дел Катара и Узбекистана) провели официальные встречи с высокопоставленными представителями движения «Талибан» и Специальным представителем Генерального секретаря ООН по Афганистану.

Быстрый крах правительства Гани указывает на то, что Талибан действительно пользуется некоторой поддержкой населения в Афганистане, которая достаточно широко распространена, учитывая его быстрый захват столицы и столиц всех провинций. Однако, учитывая опасения по поводу прав человека и наплыв беженцев, время покажет, будет ли это привычное послушание надежным и устойчивым.

С точки зрения демократической легитимности талибы не пришли к власти демократическим или конституционно законным путем после свержения нынешнего правительства после многолетнего повстанческого движения. Администрация Гани сама столкнулась с проблемами легитимности. Переизбрание Гани в 2019 году было омрачено обвинениями в фальсификации со стороны его основного оппонента Абдуллы Абдуллы. На выборах в Афганистане за последние несколько лет явка была очень низкой: в 2019 году проголосовало лишь 20 процентов избирателей, а независимых отчетов наблюдателей за выборами не существует. Неясно, будут ли талибы проводить выборы, поскольку их предыдущие конституции выступают против выборов, поскольку они не основаны на шариате. Во временное правительство, объявленное талибами, вошли представители различных этнических групп страны, однако неудивительно, что большинство должностей в кабинете

досталось членам самих талибов. Однако отсутствие демократической легитимности поставило бы под угрозу признание бесчисленных правительств по всему миру.

Признание отличается от дипломатических отношений и не является обязательным условием их установления. Признание правительства юридически не является необходимым для дипломатических отношений, которые предполагают традиционный обмен послами и дипломатическим персоналом между государствами. Государства могут поддерживать дипломатические отношения, даже если они не признают правительство другого государства, при условии, что государство не предпримет таких шагов, как представление полномочий для нового посла, что потребовало бы положительного согласия правительства другого государства. Широко признано, что революционная смена режима не прекращает функции дипломатов.

Однако дипломатическое признание открывает каналы для помощи в целях развития и займов от государств, а также таких организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд. США, Европейский союз и Великобритания в настоящее время приостановили свои программы помощи стране, а резервы центрального банка Афганистана, находящиеся за границей, были заморожены. МВФ удержал 400 миллионов долларов США, которые должны были быть переданы старому правительству. Ведутся разговоры о направлении помощи через ООН или о возможном новом фонде Всемирного банка, чтобы странам не приходилось оказывать помощь напрямую талибам [17]. Пока Талибан формирует свое новое правительство, дипломаты, находящиеся за границей, представляют свергнутое правительство. Если новая власть не будет признана, афганские послы и дипломаты будут продолжать представлять побежденную администрацию. Однако маловероятно, что такие государства, как США, назначат посла в Афганистане, поскольку для отправки посла требуется согласие признанного правительства.

Пока рано говорить о том, перерастет ли фактический контроль талибов

над Афганистаном в контроль де-юре. Тем не менее, одно из ключевых требований - эффективный контроль, в значительной степени был удовлетворен, поскольку талибы независимы, пользуются обычным повиновением населения и контролируют столицу. Смогут ли они оставаться у власти устойчивым образом, который не является временным, пока неясно. Однако скорость, с которой они победили афганское правительство, и тот факт, что какая-либо оппозиция еще не привела к созданию противника Талибану и не получила международной поддержки, предполагает, что эта консолидация может быть жизнеспособной. Если это так, вполне вероятно, что больше государств будут косвенно признавать «Талибан», не делая каких-либо явных заявлений на этот счет, это может быть сделано посредством дипломатических отношений или посредством двусторонних договоров. Таким образом, признание правительств является полностью дискреционным, и возможность отказать правительству в праве на участие в сообществе государств остается за самими государствами. Пока неясно, развеют талибы опасения государств по поводу своего правления или усугубят их.

2. Отношения великих держав с движением «Талибан»

2.1. Российско-китайские отношения на фоне захвата власти талибами.

Захват Афганистана талибами может стать важным испытанием для отношений между Китаем и Россией. Возникающая ситуация может стимулировать расширение двустороннего сотрудничества, в том числе в вопросах региональной безопасности, но также может создать проблемы для отношений. Результат повлияет на динамику китайско-российских отношений как в Центральной Азии, так и в Южной Азии.

Как для Китая, так и для России захват Афганистана талибами представляет как возможности, так и риски. В знак признания сохраняющейся силы талибов обе страны поддерживали связи с движением в последние годы и теперь могли бы признать его законным правительством, надеясь тем самым защитить свои интересы. И Китай, и Россия рассматривают уход США и захват Талибана как возможность ослабить престиж США во всем мире, устранить любую возможность долгосрочного военного присутствия США в сердце Евразии и укрепить свое собственное региональное влияние. В то же время обе страны очень внимательно относятся к рискам возобновления нестабильности и возрождения терроризма в регионе. Несмотря на возможности, которые сейчас манят, правление талибов в Афганистане может в конечном итоге оказаться обузой для обеих стран.

Китай поддерживал отношения со всеми администрациями Афганистана, кроме просоветских правительств (1979-1989 гг.), которые он отказался признать. Хотя Пекин осудил советское вторжение в Афганистан, он также оставался официально бездействующим в Афганистане во время правления Талибана. Однако афганский аналитик Малик Сетиз пишет, что у Китая действительно были неофициальные отношения с правительством талибов [18]. С 2002 года Китай поддерживал новое правительство в Кабуле как финансово,

так и политически. Китай является одним из крупнейших иностранных инвесторов в Афганистане. Например, Логар-Айнак, проект по добыче меди, на сегодняшний день является крупнейшей иностранной инвестицией в стране.

До падения Кабула официальная позиция Пекина заключалась в поддержке примирения между воюющими сторонами — даже несмотря на то, что он официально взаимодействовал с талибами с 2019 года и неофициально в течение нескольких лет до этого. 28 июля министр иностранных дел Китая Ван И приветствовал представителей талибов для консультаций в Пекине, что является наиболее заметным признаком потепления отношений между Китаем и талибами. После падения Кабула заявления Пекина были дружественными, но осмотрительными. 16 августа, через день после падения Кабула, официального представителя Министерства иностранных дел Китая Хуа Чуньин спросили о возможном признании. Она сказала: «Мы надеемся, что афганские талибы смогут проявить солидарность со всеми фракциями и этническими группами в Афганистане и построить широкомасштабную и инклюзивную политическую структуру» [19]. В тот же день посланник Китая в ООН Гэн Шуан повторил заявление, но также отметил: «Афганистан никогда больше не должен стать раем для террористов... Мы надеемся, что Талибан в Афганистане искренне выполнит свои обязательства и полностью порвет с террористическими организациями.» [19]

Пекин обеспокоен тем, что талибы могут возобновить незаконный оборот наркотиков для финансирования своего правительства и вернуться к поддержке террористических атак за пределами Афганистана. Пекин опасается, что впечатляющий успех талибов может придать смелости предполагаемым членам Исламского движения Восточного Туркестана, которое китайские власти неоднозначно называют сепаратистской и террористической угрозой в северо-западной провинции Синьцзян. На сегодняшний день Китай в основном полагался на своего «железного брата» Пакистана, который делал тяжелую работу, чтобы не допустить проникновения боевиков в Синьцзян или иным образом поддержать запрещенную группировку.

Талибы, в свою очередь, заверили Китай, что послевоенный Афганистан будет приветствовать инфраструктурные и инвестиционные проекты. «Китай — дружественная страна, и мы приветствуем ее восстановление и развитие Афганистана, — пообещали талибы 10 июля. — Если у них есть инвестиции, мы, конечно, обеспечим их безопасность». После захвата власти 19 августа талибы вновь заявили, что роль Пекина приветствуется. При условии, что Афганистан станет в достаточной мере безопасным, наиболее вероятно, что Китай будет стремиться расширять свою инициативу «Один пояс, один путь», которую предыдущее афганское правительство избегало, чтобы не рассердить Вашингтон, путем строительства автомобильных и железнодорожных сообщений в Афганистане и на его территории.

Даже если Пекин не сможет найти способ доверять Талибану, он вряд ли будет долго отказывать в официальном признании. Он хочет избежать сеяния недоверия, которое может привести к тому, что группировка отменит свои обещания. Более того, Китай, как великая держава, соперничающая с США, вероятно, хочет продемонстрировать свой уникальный подход к мировым событиям, который, как правило, — часто рефлекторно — противоположен подходу Вашингтона. Возможно, важнее всего то, что признание управляемого талибами Афганистана способствовало бы восприятию того, что именно Пекин — а уже не Вашингтон — определяет повестку дня и формирует будущий региональный порядок.

Китай, используя мягкую силу, будет проецировать ее в Афганистане. Его внешняя политика склоняется в сторону мирного сосуществования и сотрудничества, а не конкуренции. Пекин демонстрирует свою мягкую позицию по отношению к Афганистану, готовому сотрудничать с правительством талибов, если они обеспечат защиту прав человека. Ранее Китай не признавал правительство талибов из-за фундаментализма и связи талибов с боевиками. Существует также вероятность того, что Китай, возможно, будет использовать ту же модель, что и в Африке, для

экономической корпорации и процветания. Это не только усилит мягкую силу Китая в регионе, но и противостоит индийскому влиянию в регионе.

В качестве альтернативы Китай может принять решение никогда не озвучивать официальное признание и вместо этого сделать выбор в пользу признания де-факто. Мы видели, как Китай делал это в отношении хунты, захватившей контроль в Мьянме в начале 2021 года. Но эта ситуация в корне отличается: в отличие от Мьянмы, здесь, похоже, не наблюдается сильного сопротивления правлению талибов. Китай не признавал талибов, когда эта группировка впервые правила Афганистаном в период с 1996 по 2001 год. Сегодняшний Китай, однако, сильно отличается: во-первых, у него действительно глобальные интересы, и он находится в состоянии геополитического соперничества с Соединенными Штатами. Природные ресурсы Афганистана имеют повышенное значение для экономического развития Китая. Кроме того, Китай, вероятно, стремится использовать дружественный Афганистан — совместно с Пакистаном — против Индии, которая превратилась в грозного регионального соперника и с которой только в 2020 году вступила в военное столкновение.

В конце концов, даже если Китай серьезно обеспокоен готовностью талибов выполнять свои обещания, потенциальная геостратегическая и экономическая выгода от двусторонних отношений слишком велика, чтобы Пекин мог ее игнорировать. Не менее важно и то, что задержка с предоставлением Талибану признания и легитимности, к которым они стремятся, может вызвать гнев группировки, что может серьезно повредить интересам безопасности Пекина. Все риски и выгоды указывают на рост и укрепление китайско-талибских связей.

После захвата Кабула талибами в сентябре 1996 года и создания Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) на основе строгого толкования законов шариата Москва решила не только не признавать новое государственное образование, но и вместе с другими странами пыталась заставить Талибан отказаться от нарушений международного гуманитарного

права и прав человека, особенно от дискриминации в отношении женщин и девочек, и от увеличения незаконного производства опиума. При этом Россия всегда выступала за мирное урегулирование внутриафганского конфликта политическими средствами при центральной роли ООН через формирование инклюзивного правительства с включением в него представителей различных этнических групп.

Можно говорить о том, что в конце XX в. противоречивые отношения между Россией и талибами характеризовались враждебностью со стороны талибов и использованием Москвой как военно-политических, так и дипломатических рычагов для стабилизации обстановки по периметру границ своих центральноазиатских союзников, нейтрализации террористических угроз, исходящих с территории Афганистана, а также пресечение незаконного оборота наркотиков.

В 2001–2002 годах, после терактов 11 сентября в США, Россия оказывала поддержку местным силам Северного Альянса в Афганистане, которые сотрудничали с возглавляемой США коалицией в свержении де-факто правительства талибов как принимающей стороны руководства «Аль-Каиды». Когда годы спустя ключевые западные и некоторые региональные заинтересованные стороны, а также само кабульское правительство начали изучать возможность переговоров с повстанческим движением Талибан, Москва официально не выступала против процесса национального примирения.

В период после 2014 г. официальными российскими представителями неоднократно подчёркивалось, что военными средствами обеспечить победу над талибами более не представляется возможным. Учитывая сложившееся положение, российский вектор сотрудничества с Пакистаном как основным региональным игроком, имеющим существенные рычаги влияния на Талибан, постепенно начал набирать обороты. Большинство региональных держав, в частности Китай, а также ряд таких внерегиональных акторов как Великобритания, США и страны Персидского залива к тому времени уже имели с талибами определенные контакты.

В 2016 году Россия стала инициатором серий встреч между соседями Афганистана, которые получили название Московский процесс. Афганистан на первую встречу приглашен не был - на встрече присутствовали только РФ, Китай и Пакистан. В 2017 году к ним присоединились Афганистан, Индия и несколько стран Центральной Азии. США не участвовали ни на одной из встреч и восприняли их как дублирующие усилия, которым не хватало ясности. В 2018 году был запланирован третий многосторонний диалог, на который был приглашен Талибан. Афганское правительство отказалось от обосновав это тем, что талибы были приглашены на встречу в качестве равноправных участников. В свою очередь талибы отказались вести переговоры напрямую с афганским правительством. Для Афганистана этот шаг подорвал легитимность его собственной инициативы — поддерживаемого США Кабульского процесса. В конечном итоге диалог был отложен [20].

Россия не желает, чтобы талибы взяли под контроль Афганистан. При этом Москва признает территориальные приобретения талибов и предпочитает их группировке ИГИЛ. Влиятельная часть российских политиков видит в талибах полезных партнеров в борьбе с ИГИЛ. Президент Владимир Путин заявил, что радикальные джихадисты из бывших советских республик могут бороться с ИГИЛ в Сирии или где-либо еще. На сегодняшний день угроза возвращения группировки ИГИЛ в постсоветские государства Центральной Азии и Россию становится более вероятной. Благодаря тому, что их передвижению способствует широкая этническая и языковая сеть, русскоязычные боевики-исламисты могут относительно легко перемещаться по географически сопредельным территориям. Хотя менее 1000 из примерно 8500 русскоязычных бойцов-салафитов-джихадистов вернулись в Россию или государства Центральной Азии, это является достаточно весомым фактором. По этим причинам Россия рассматривает ИГИЛ как особую угрозу, в отличие от талибов.

Помимо этого, российская позиция предполагает допустимость более тесных связей с талибами, исходя из возможности того, в будущем

политическом устройстве Афганистана влияние талибов будет всё более существенным. Быстрый уход талибов из региона, который потенциально мог бы привести к краху афганского государства и возвращению к гражданской войне и анархии 1980-х и начала 1990-х годов, не отвечает интересам Российской Федерации, однако и вариант развития событий, предполагающий, что США останутся в регионе на неопределённый срок или же навсегда, также не является приемлемым. Это помогает объяснить, почему поддержка Россией талибов носит скорее тактический, чем стратегический характер.

В целом с момента свержения режима талибов в 2001 г. политика России в отношении Афганистана делится на несколько этапов: от наступления в 2001-2002 гг., когда Россия пыталась укрепить свое присутствие и влияние в Афганистане; через период застоя в 2003-2006 гг., когда Россия осознала, что не способна эффективно конкурировать с преимущественно западным влиянием в стране; до периода с 2007 года, который ознаменовал возвращение активной политики России в отношении Афганистана, когда Москва стала использовать ухудшающуюся ситуацию в области безопасности для улучшения отношений с правительством в Кабуле и повышения своего значения для сил западной коалиции.

Можно говорить о том, что официальная линия Москвы по-прежнему направлена на поддержку повышения функциональности и легитимности афганского государства, включая Правительство национального единства и афганские национальные вооруженные силы и силы безопасности. В качестве второстепенной тактики Россия также поддерживает каналы связи с талибами, чтобы отслеживать их подход к угрозе безопасности.

В долгосрочной перспективе Россия может просто попытаться воспроизвести антиталибский альянс и поддерживающую его международную коалицию, создав буферную зону на севере Афганистана; или она может поддержать усилия афганского правительства по достижению политического соглашения, которое может фактически привести к возвращению талибов к власти в Афганистане. Россия, вероятно, останется отдаленной, хотя и

значительной, региональной силой в решении текущих проблем, связанных с Афганистаном, без желания ощутимого прямого присутствия там. Следовательно, политика России в отношении афганской проблемы, вероятно, будет носить реактивный характер и будет зависеть как от внутренних событий в Афганистане, так и от позиции важных международных игроков.

Сегодня у Китая есть возможность усилить свое влияние в Афганистане и в регионе в целом. Его первоочередной задачей является ограничение региональной нестабильности и противодействие угрозам безопасности в своих западных регионах. В частности, Китай стремится не допустить, чтобы Афганистан стал базой поддержки сопротивления уйгуров и других мусульманских меньшинств китайскому правлению в Синьцзяне. Несмотря на возмущение всего мира отношением Китая к мусульманскому населению Синьцзяна, Китай получил положительные сигналы по этому вопросу в конце июля, когда он принял у себя делегацию талибов. Согласно отчету Министерства иностранных дел Китая о встрече, талибы пообещали, что «никогда не позволят какой-либо силе использовать афганскую территорию для участия в действиях, наносящих ущерб Китаю». Ранее в июле представитель талибов пообещал воздержаться от вмешательства во «внутренние дела» Китая [21]. Китай никогда не признавал «Талибан» в более ранний период его правления, с 1996 по 2001 год, но он может сделать это сейчас, предлагая экономические стимулы, чтобы заручиться поддержкой движения. Как и Россия, Китай инициировал дипломатические контакты с талибами за годы до недавнего захвата, приняв предыдущую делегацию в 2019 году.

Помимо усилий по обеспечению безопасности своих западных регионов, у Китая есть возможность преследовать экономические интересы в Афганистане. Консорциум китайских компаний приобрел концессию на медном руднике Мес-Айнак в 2008 году, хотя добыча еще не началась. В Афганистане могут находиться залежи полезных ископаемых на сумму почти 1 трлн долларов США, включая редкоземельные минералы. Китай также мог бы связать Афганистан со своей инициативой «Один пояс, один путь». Например,

он может построить шоссе из Пешавара в Кабул, которое соединит Афганистан с Китайско-пакистанским экономическим коридором. Китай уже строит главную дорогу через Ваханский коридор, которая соединит Синьцзян с Пакистаном и Центральной Азией. Китай мог бы даже искать связи с Ираном и Юго-Западной Азией через Афганистан. Талибан, в свою очередь, заявил о своей открытости для китайских инвестиций в инфраструктуру.

Однако такие инвестиции зависят от безопасной обстановки в Афганистане, и эта перспектива в лучшем случае остается неопределенной. В июле в результате теракта в Пакистане погибли девять граждан Китая, что подчеркивает риски, с которыми сталкивается Китай. Стремясь защитить свои интересы за границей, Китай неохотно использует военную силу за пределами своих границ. Обеспечение безопасности собственных границ является необходимостью, но более чувствительным вопросом является создание крупного присутствия в сфере безопасности для защиты инвестиций за рубежом. В конце концов, соображения безопасности могут предотвратить или резко сократить китайские инвестиции в Афганистан.

Цели России сосредоточены непосредственно на безопасности. Основная цель — обеспечить безопасность северных границ Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Это необходимо для того, чтобы защитить собственную южную границу России от источников нестабильности, в том числе от деятельности «Исламского государства», других форм экстремизма и терроризма и наркотрафика. В августе, когда талибы захватили территорию на севере Афганистана, Россия провела совместные военные учения с Узбекистаном и Таджикистаном на территории Таджикистана, примерно в 20 километрах от афганской границы, что свидетельствует о решимости трех стран поддерживать региональную безопасность. Россия стремится использовать Организацию Договора о коллективной безопасности, чтобы утвердиться в качестве главного гаранта безопасности в регионе [21].

Однако это желание не распространяется на собственную территорию Афганистана. У России горькие воспоминания о советской оккупации Афганистана с 1979 по 1989 годы, закончившейся унизительным отступлением. У России нет ни желания заниматься внутренней афганской безопасностью, ни интересов, которые бы этого требовали. В последние годы Россия начала устанавливать дипломатические отношения с талибами, в конечном итоге организовав параллельный мирный процесс с участием представителей талибов, хотя это движение по-прежнему запрещено на территории России. Теперь Россия надеется, что прочные отношения с талибами защитят ее интересы. В отличие от Китая, России не хватает финансовых ресурсов для крупных инвестиций в Афганистане или в регионе в целом. Более того, учитывая давнее влияние Китая на Пакистан и его потенциальное новое влияние на Талибан, региональная политика России может сильно зависеть от сотрудничества с Китаем.

2.2. Перспективы сотрудничества России и Китая в рамках афганской повестки

На уровне политической риторики и Китай, и Россия ухватились за недавние события, пытаясь дискредитировать Соединенные Штаты. По мере того, как талибы приближались к победе, а затем добились ее, обе страны критиковали Соединенные Штаты за их неудачи в Афганистане за предыдущие 20 лет, включая их хаотичный уход. Хотя Китай и Россия признали вклад США в региональную стабильность и борьбу с терроризмом, обе страны стремились предотвратить бессрочное военное присутствие США в регионе. Они в значительной степени достигли этой цели много лет назад, после закрытия американских баз в Узбекистане в 2005 году и Кыргызстане в 2014 году.

После ухода США из Афганистана перспектива возобновления региональной нестабильности может стимулировать сотрудничество между Китаем и Россией. В августе, по мере приближения победы талибов,

российские войска впервые приняли участие во внутрикитайских военных учениях (Joint Western-2021). Эти учения, проходившие в провинции Нинся, были посвящены борьбе с терроризмом. В сентябре Россия и Китай провели совместные военные учения (Мирная миссия-2021) на территории России, недалеко от границы с Казахстаном, под эгидой Шанхайской организации сотрудничества [22]. Эти учения также включали контртеррористические учения. Россия и Китай проводят совместные военные учения в формате ШОС с 2005 года, многие из которых посвящены борьбе с терроризмом. В случае региональной нестабильности, возможно, включая террористические угрозы, исходящие из Афганистана, Китай и Россия могут использовать этот опыт для организации совместной военной интервенции в Центральной Азии.

Китай и Россия могли бы также попытаться координировать свои усилия через ШОС, которая сохраняет свою первоначальную цель борьбы с «тремя силами зла» — сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом. В сентябре лидеры ШОС провели гибридный саммит в Душанбе, на котором они одобрили заявку Ирана на полноправное членство. Декларация саммита призвала к стабильности в Афганистане и формированию правительства, представляющего все этнические, религиозные и политические группы страны. Однако выработка общего подхода к Афганистану станет сложной задачей для ШОС, особенно после вступления в полноправные члены соперничающих сторон Индии и Пакистана в 2017 году. Подходы государств-членов к региональным вопросам и их отношения друг с другом остаются в основном двусторонними.

Несмотря на такие возможности для китайско-российского сотрудничества, скрытая напряженность, связанная как с Центральной, так и с Южной Азией, может неуклонно усиливаться. Россия стремится стать доминирующим игроком в регионе, но растущее влияние Китая угрожает статусу России. На сегодняшний день обе страны относительно хорошо справляются с этой ситуацией. В 2015 году они договорились связать возглавляемый Россией Евразийский экономический союз с Экономическим поясом Шелкового пути. Китай стремился убедить Россию и государства

Центральной Азии в том, что его целью является экономическое развитие и связь, а не политический контроль над регионом. Согласно одному распространенному мнению, Китай и Россия заключили в регионе негласную сделку, предусматривающую разделение труда, при котором Россия остается основным внешним поставщиком безопасности, а Китай является двигателем экономического развития [23].

Однако этот аргумент никогда не был полностью убедительным. По мере роста своих экономических интересов в регионе Китай всегда мог приобрести политическое влияние и причины для расширения своей роли в сфере безопасности. Еще в 2016 году Китай начал работать с Пакистаном, Таджикистаном и предыдущим правительством Афганистана по обеспечению региональной безопасности. Сообщается, что китайские эксперты аналитического центра связались со своими российскими коллегами, чтобы объяснить намерения Китая в отношении этого формата. Китай давно стремится обеспечить безопасность вдоль своей 91-километровой границы с Афганистаном в восточной части Ваханского коридора, а также вдоль своей 477-километровой границы с Таджикистаном, потенциальной транзитной страной для экстремистов или террористов, проникающих из Афганистана [22]. В последние годы Китай помог построить и укрепить пограничные посты Таджикистана с Афганистаном, усилил возможности сил безопасности Пакистана и построил базу для афганских горных войск в Бадахшане, недалеко от Ваханского коридора.

Эти действия могли создать напряженность в отношениях с Россией. Однако взаимодействие Китая в области безопасности с Пакистаном и Таджикистаном, а теперь и с талибами, вероятно, не отражает намерения отодвинуть Россию на второй план как участника региональной безопасности. Скорее, целью Китая является обеспечение безопасности в секторе, представляющем для него наибольшую озабоченность, а именно в районе его западной границы. Вместо разделения труда между экономикой и безопасностью Китай и Россия могли бы выработать разделение труда внутри

самой сферы безопасности, при этом каждая страна сосредоточилась бы на определенных секторах. При таком соглашении Россия согласилась бы с усилиями Китая по обеспечению безопасности своей границы путем сотрудничества с соседними странами. Однако в долгосрочной перспективе Китай может расширить свое региональное присутствие в сфере безопасности таким образом, что роль России уменьшится. Вопрос о том, как Россия отнесется к значительному китайскому присутствию сил безопасности в регионе, направленному на защиту обширных инвестиций, а не только собственных границ, остается открытым.

Для Запада это порождает призрак совместного господства Китая и России в Центральной Азии, чего западные политики и стратеги стремились избежать. Администрация бывшего президента США Джорджа Буша-младшего запустила стратегию Большой Центральной Азии, направленную на стабилизацию Афганистана и, таким образом, на предоставление центральноазиатским государствам возможности расширить экономические связи с Южной Азией. Такой исход предоставил бы государствам Центральной Азии, не имеющим выхода к морю, ценные экономические и стратегические возможности, тем самым снизив их уязвимость перед давлением со стороны России и Китая. Это видение так и не получило достаточной политической поддержки и финансовых вложений, чтобы добиться успеха, и сейчас оно дальше от реальности, чем когда-либо. Государства Центральной Азии стремятся сохранить независимость в своей внешней политике, но теперь они могут оказаться во все большей зависимости от России и Китая.

2.3. Российско-американские отношения на фоне захвата власти талибами

Афганская повестка в отношениях России и США небезосновательно считается одной из важных составляющих внешней политики обеих стран на сегодняшний день. Доверительные и партнёрские взаимодействия сменяются

актами враждебности и взаимно негативным отношением, в чём и проявляется главная характерная особенность российско-американских контактов – их цикличность. Несмотря на то, что имеются множество разногласий по ряду вопросов, которые касаются стабильности и безопасности в Афганистане, у Москвы и Вашингтона есть ряд общих интересов: борьба с терроризмом, поддержание стабильности в стране и урегулирование конфликтов. Россия и США стараются подавить хаос и предотвратить превращение Афганистана в убежище для террористических группировок.

За последние почти 18 лет Соединенные Штаты опробовали множество различных стратегий в Афганистане, чтобы преследовать террористов и создать стабильное правительство. Под руководством президента Джорджа Буша-младшего, президента Барака Обамы, а также президента Дональда Трампа Соединенные Штаты установили массовое военное присутствие — почти 100 000 американских военнослужащих. Соединенные Штаты инвестировали десятки миллиардов долларов в экономическую помощь для поддержки развития в Афганистане, а также взаимодействовали с региональными и глобальными игроками, чтобы помочь стабилизировать ситуацию.

Каждая администрация сделала своим главным приоритетом устранение угрозы терроризма и предотвращение превращения Афганистана в убежище для террористов. Но фундаментальная проблема всегда заключалась в том, что без стабильного афганского правительства, контролирующего свою территорию, не будет никаких гарантий, что террористы не найдут в Афганистане безопасного убежища, а ни одно афганское правительство не смогло обеспечить безопасность страны в одиночку. Другой ключевой проблемой была роль Пакистана в поддержке террористов и повстанцев в Афганистане. Соединенные Штаты не смогли эффективно противостоять этой угрозе, не имея войск в Афганистане, что также сделало Соединенные Штаты зависимыми от Пакистана в плане военного снабжения и его поддержки в переговорах с талибами.

Россия принимала участие в операции, предоставляя НАТО воздушное пространство для переброски вооружений. Страны разработали “северный путь”, который проходил через территорию РФ. Этот транзитный маршрут пришел на смену пакистанскому “южному пути”, который был дорогостоящим и длительным. В 2009 г. Российская Федерация и США подписали ряд соглашений о транзите гуманитарных грузов в Афганистан через территорию России. Этот выбор был сделан в пользу РФ, исходя из экономических соображений [24].

Второе ключевое направление сотрудничества РФ и США в Афганистане заключается в поставках российского вооружения армии Афганистана. После советско-афганской войны на вооружении были исключительно советская техника и оружие, которые оставили еще СССР. Таким образом, возникла необходимость переоснащения афганской армии по американским стандартам. Чтобы решить данную проблему, США разработали два варианта: во-первых – огромные финансовые вложения в перевооружение афганской армии по стандартам НАТО, что было бы очень затратным, а также требовалось время на переобучение. Учитывая эти обстоятельства, был поддержан второй вариант – закупка российского вооружения и техники, благодаря чему Вашингтон мог экономить на переобучении военнослужащих Афганистана. Россия, в свою очередь, согласилась на сотрудничество, которое имело много плюсов: сотрудничество с афганским руководством, влияние на американскую военную кампанию и значительная выручка с продаж отечественной техники.

Еще одним ключевым направлением в сотрудничестве является борьба с наркопроизводством. Наркопроизводство долгое время оставалось в основном проблемой России, так как афганские наркотики не только идут на мировой рынок через территорию РФ, но и остаются в ней. Однако США не желали вести активную борьбу с наркопроизводством. По итогу у России и США стояли совершенно разные цели в ходе своей борьбы с производством наркотиков. Российское правительство были нацелены на обеспечение снижения потока афганских наркотиков, которые попадают на территорию

России. В то время США не были заинтересованы в активной борьбе ними. Эти разногласия между США и Россией поспособствовали созданию в 2011 году Россией проекта по борьбе с производством наркотиков в Афганистане, который получил название «Радуга-2» [25]. США отказались от этой программы, аргументируя это наличием в ней пункта о уничтожении посевов мака, на что ни США, ни их союзники соглашаться не хотели.

В феврале 2012 года прошла третья конференция Парижского пакта, на которой США представил свою программу по борьбе с наркопроизводством, которая получила название «Центральноазиатская антинаркотическая инициатива», целью этой инициативы было создание ряда специальных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Данная концепция охватывала пять стран (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и Туркмению). Исходя из программы США, данные подразделения должны были подчиняться американскому командованию. Тот факт, что США получают доступ к секретным базам этих стран, сильно тревожил Россию, так как эти пять стран являются зоной ее интересов, и таким образом РФ не желала, чтоб США могли влиять на их политику. В свою очередь Россия смогла убедить своих союзников отказаться от участия в американском проекте по борьбе с наркотиками в Центрально-Азиатском регионе. Российские представители объяснили это тем, что инициатива США не имеет ничего общего с борьбой с производством наркотиков и направлена на усиление военно-политического влияния Вашингтона в регионе [25].

Однако Афганистан стал ареной, на которой смогли сотрудничать такие непримиримые соперники как Россия и США. Это доказывает, что США и Россия способны договориться по многим вопросам, но для выработки решений, удовлетворяющих обе стороны, необходима точка соприкосновения.

В 2017 году Россия впервые потребовала вывода войск США из Афганистана, так как они не справились с задачей, поставленной перед ними Советом Безопасности ООН в 2001 году. Им не удалось победить талибов или

превратить Афганистан в жизнеспособное государство, а наоборот, их деятельность только спровоцировала там внутренние конфликты.

Оценивая состояние дипломатических отношений между Россией и США по афганскому вопросу, можно сделать вывод о том, что государства использовали различные формы и методы дипломатического взаимодействия. Однако в конечном счете российско-американское сотрудничество замораживается, уровень дипломатического представительства сокращается резкими темпами, прекращаются контакты на разных уровнях, спираль санкций стремительно раскручивается, а и без того непрочные отношения двустороннего взаимодействия России и США окончательно терпят крах.

Внезапный уход Америки из Афганистана в 2021 году, который за несколько недель спровоцировал полный крах поддерживаемого США афганского правительства, стал катастрофой для Афганистана и его соседей. Это оставило Соединенные Штаты без какого-либо реального влияния в Афганистане. Это также изменило баланс международного влияния в регионе, который остается не менее важным для США, России и международной безопасности, чем во время вторжения американских войск в 2001 году или, когда поддерживаемые США моджахеды сражались с советскими оккупантами, чтобы вытеснить их из страны в 1980-х годах. В результате американцы дали России и Китаю значительные возможности вмешаться и представить себя в качестве жизнеспособных или даже желательных альтернативных международных партнеров.

Соединенные Штаты, начиная с Дональда Трампа и продолжая Джо Байденом, четко обозначили план вывода войск из Афганистана. Но быстрый крах афганского правительства и быстрота прихода к власти талибов превратили этот уход в хаос. Соединенные Штаты выглядели неуклюжими и неумелыми, и они потянули за собой своих союзников. Некоторые страны из всех сил пытались эвакуировать свой персонал и афганских партнеров, поскольку ситуация вокруг аэропорта Кабула ухудшилась. Все должны были

считаться с реальностью, что после 20 лет потерянных жизней и потраченных миллиардов мало что осталось.

Это привело к взаимным обвинениям в Лондоне, Берлине и Брюсселе, направленным против их лидеров и Соединенных Штатов. Еще в марте не было секретом, что многие союзники НАТО были недовольны решением Байдена о выходе. Некоторые, такие как Великобритания и Германия, даже обнародовали свое беспокойство. Немецкий Бундестаг лишь недавно согласился продлить мандат немецких войск в Мазари-Шарифе на севере Афганистана до 2022 года. Многие союзники признали болезненно медленный прогресс в обеспечении безопасности и реконструкции Афганистана, но они пришли к пониманию того, что не было жизнеспособной альтернативы тому, чтобы остаться в Афганистане, учитывая постоянную угрозу талибов и ИГИЛ, а также очевидную слабость афганского правительства в Кабуле [26].

Союзники были обеспокоены тем, что решение Байдена о выходе дало талибам мало стимулов для переговоров о разделении власти с афганским правительством в Дохе и все основания полагать, что они могут получить абсолютную власть, одержав победу на поле боя. В то же время у деморализованной афганской армии не было бы причин сражаться и жертвовать собой, если бы она чувствовала себя покинутой своими международными партнерами и спонсорами. Хотя союзники были явно разочарованы коррумпированностью и продажностью афганского правительства и элиты, они признали, что международная помощь Афганистану за 20 лет принесла много пользы стране с точки зрения увеличения продолжительности жизни, эмансипации женщин, образования девочек, а также многие индивидуальные, политические свободы и свободы СМИ.

Европейские союзники также считали, что США слишком медленно разрабатывают всеобъемлющий план эвакуации граждан Запада и афганских гражданских лиц, которые работали на вооруженные силы альянса, западные неправительственные организации или старое афганское правительство, а

также тех, кто хотел покинуть страну [26]. Были даны обещания гарантировать их безопасность, и появлялось все больше свидетельств того, что талибы преследуют их как «коллорабационистов». Эвакуация началась после того, как почти все войска покинули Афганистан, а это означает, что странам НАТО пришлось внезапно отправить войска обратно в Кабул для организации полетов из страны. Эта импровизация привела к хаосу в течение нескольких дней в международном аэропорту Кабула.

Теперь проблема для НАТО в том, что все страны, имеющие сегодня влияние в Афганистане, не являются его друзьями, включая Пакистан и Иран. Единственным исключением является Турция, у которой хорошие отношения с талибами и у которой будет большое посольство в Кабуле. Следовательно, любое уменьшающееся остаточное влияние, которое альянс действительно сохраняет в Юго-Западной Азии, будет в значительной степени зависеть от усмотрения Турции и проходить через Анкару и через призму турецких взглядов. НАТО надеялось обсудить Афганистан в рамках своего будущего диалога как с Пекином, так и с Москвой, но теперь, когда она потеряла почти все влияние в стране, эти столицы увидят меньше интереса или причин для переговоров с НАТО [27]. Лучшее, на что можно надеяться, это диалог о борьбе с терроризмом, если Пекин и Москва увидят угрозу собственной безопасности, исходящую с афганской территории.

Таким образом, уход США из Афганистана неизбежно поставил под сомнение твердость приверженности США своей роли в сфере международной безопасности. Байден внес свой вклад в это беспокойство, представив уход США из Афганистана как отказ США от роли за рубежом в государственном строительстве и стабилизации в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе был проведен подробный анализ роли движения «Талибан» в межафганском урегулировании и его влияния на региональные и международные политические процессы. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы.

Талибы после 2001 года оказались обучающейся, более политической организацией, а также более открытой для влияния внешних факторов. Они преследуют свою политическую цель, а именно восстановление власти и установление того, что они называют подлинно «исламским правительством», как политическими, так и военными методами. Неоспоримо, что политическая мощь талибов и их дипломатические успехи в значительной степени основаны на их военной доблести, выдержавшей 20 лет войны против коалиции вокруг могущественной военной державы. Пройдя путь от международного изгоя, принимающего террористов, до дипломатически признанной стороны конфликта и партнера по переговорам, талибы считают себя стороной-победительницей в продолжающейся войне.

В нынешнем контексте продолжающейся войны и политических переговоров о ее прекращении дипломатическими средствами трудно понять, в какой степени изменения в политике, риторике и поведении талибов отражают реакцию на политическую необходимость - являются тактическими пустыми словами или представляет собой подлинный сдвиг в идеологии. Одно кажется несомненным: Талибан — религиозно-мотивированное, социально, политически и религиозно консервативное движение, которое не откажется от того, что считает своими основными «ценностями».

Вывод американских войск из Афганистана и быстрый захват власти талибами заняли центральное место в глобальном геополитическом дискурсе, а также открывают широкий спектр возможностей для многих стран, но в то же время имеет тревожные последствия практически для всего мира - от соглашений с Китаем или Россией до приема беженцев Евросоюзом.

С самого первого момента, когда захват Кабула стал реальностью, две сверхдержавы благосклонно отнеслись к предстоящему признанию нового правительства талибов. Москва и Пекин ясно изложили свои позиции в то время, когда Запад по понятным причинам больше беспокоился об эвакуации всего персонала посольства, переводчиков и других дипломатических работников. В результате Китай тут же продемонстрировал полную поддержку талибов и даже предложил помощь в восстановлении страны.

Обе страны имеют долгосрочные экономические амбиции в Афганистане. Китай присматривается к медным и редкоземельным минеральным ресурсам и работает над улучшением транспортных связей через Ваханском коридоре. В то время как Россия надеется, что запланированное строительство энергетической и транспортной инфраструктуры через Афганистан откроет экономические возможности через субконтинент и Индийский океан.

Однако уход США также сопряжен с серьезными среднесрочными и долгосрочными рисками. Одной из очевидных проблем является то, что подъем Талибана может серьезно обострить и без того печально известную проблему терроризма и повстанческого движения в Южной Азии. Связи между Талибаном и Аль-Каидой хорошо известны. Два десятилетия назад талибы отказались выдать Усаму бен Ладена и других ключевых членов «Аль-Каиды», что побудило США провести против них операции. Сегодня, когда талибы вернулись к власти, есть опасения, что «Аль-Каида» создаст новый центр в Афганистане вместе с другими иностранными боевиками. Хотя в соглашении между США и талибами говорится, что талибы будут препятствовать действиям террористических организаций на афганской земле, мало ясности в отношении того, как соглашение будет проверяться и обеспечиваться.

На сегодняшний день существуют множество факторов, которые могут повлиять на ситуацию в Афганистане, что затрудняет любое прогнозирование. Наилучшим возможным исходом для страны было бы достижение талибами и афганским правительством соглашения о разделении власти или мирном соглашении. Как уже упоминалось, после заключения соглашения между США

и талибами в Дохе, Катар, начались мирные переговоры. Хотя до сих пор прогресс был незначительным, обе стороны договорились ускорить процесс перед лицом нарастающего конфликта. Афганское правительство хотело прекращения огня до заключения соглашения. Талибан хотел более строгого соблюдения своего исламского закона. В идеале обе стороны смогут создать соглашение, которое, по крайней мере, сведет к минимуму насилие в стране.

Два других менее идеальных варианта будущего — это начало тотальной гражданской войны или даже полный захват Талибаном власти. Последний исход представляется все более вероятным, поскольку талибы контролируют половину районных центров страны. Эта потенциальная реальность будет похожа на ситуацию, когда Советский Союз ушел из Афганистана в конце 1980-х годов, и моджахеды увидели возможность захватить власть. Это означало бы пагубный 30-летний шаг назад для страны и ее народа.

Хотя нынешняя ситуация в Афганистане безрадостна, важно признать достигнутое. Афганистан уже не тот, что в 1996 году, когда талибы захватили Кабул. Строятся демократические институты, и люди, особенно женщины, имеют больше гражданских прав. Этот прогресс может быть хрупким, но, тем не менее, значительным. Вывод войск после 20 лет участия в НАТО означает, что Афганистану предоставлена возможность самостоятельно продолжать государственное строительство. В будущем у США будет мало влияния на афганские силы или правительство Кабула. Они будут иметь еще меньше влияния на Талибан, если не считать попыток заставить его изменить свое поведение с помощью применения силы, что станет намного сложнее без сил и баз в стране. Будущее страны теперь зависит от военного противостояния между афганским правительством и талибами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Khalilzad, Z. The Envoy: From Kabul to the White House, My Journey Through a Turbulent World / Z. Khalilzad. — New York City : St. Martin's Press, 2016. — 84 p. — ISBN 978-1250083005.
2. Barnes, J. Al Qaeda Could Rebuilt in Afghanistan in a Year or Two, U.S. Officials Say / J. Barnes // New York Times : [сайт]. — 2021. — 28 сент. — URL: <https://www.nytimes.com/2021/09/14/us/politics/al-qaeda-afghanistan.html> (дата обращения 27.04.2022).
3. Coll, S. Directorate S: The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan / S. Coll. — New York City : Penguin Press, 2018. — 69 p. — ISBN 978-1594204586.
4. Млечин, Л. В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток / Л. Млечин. — Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2014. — 528 с. — ISBN 978-5-9775-0935-0.
5. Evans, R. Afghanistan war logs: How the IED became Taliban's weapon of choice / Rob Evans // Guardian : [сайт] — 2010. — 25 июля. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/jul/25/ieds-improvised-explosive-device-deaths> (дата обращения 27.04.2022).
6. MacAskill, E. White House shifts Afghanistan strategy towards talks with Taliban / E. MacAskill // Guardian : [сайт] — 2010. — 19 июля. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/jul/19/obama-afghanistan-strategy-taliban-negotiate> (дата обращения 28.04.2022).
7. Белокреницкий, В.Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В.Я. Белокреницкий, Р.Р. Сикоев. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2014. — 216 с. — ISBN 978-5-89282-616-7.
8. Rowlatt, J. Taliban open letter to Trump urges Afghan withdrawal / J. Rowlatt // BBC : [сайт] — 2017. — 15 авг. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-40935422> (дата обращения 30.04.2022).

9. Mashal, M. Afghanistan to Release Last Taliban Prisoners, Removing Last Hurdle to Talks / M. Mashal, F. Faizi // New York Times : [сайт] – 2020. – 3 сент. – URL: <https://www.voanews.com/a/pakistan-suspends-flights-to-kabul-over-inappropriate-taliban-behavior-/6270477.html> (дата обращения 01.05.2022).
10. Schroden, J. Afghanistan Security Forces Versus the Taliban: A Net Assessment / J. Schroden // CTC Sentinel. – 2021. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 3-36.
11. Буриев, М. Как Кабул талибам сдавали / М. Буриев // ASIA-plus : [сайт] – 2021. – 2 сент. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20210902/kak-kabul-talibam-sdavali> (дата обращения 02.05.2022)
12. Gul, A. Pakistan Suspends Flights to Kabul Over ‘Inappropriate’ Taliban Behavior / A. Gul // Voice of America : [сайт] – 2021. – 14 окт. – URL: <https://www.voanews.com/a/pakistan-suspends-flights-to-kabul-over-inappropriate-taliban-behavior-/6270477.html> (дата обращения 03.05.2022).
13. Grossman, D. Chinese Recognition of the Taliban Is All but Inevitable / D. Grossman // Foreign Policy : [сайт] – 2021. – 27 авг. – URL: <https://www.voanews.com/a/pakistan-suspends-flights-to-kabul-over-inappropriate-taliban-behavior-/6270477.html> (дата обращения 03.05.2022).
14. Sofuoglu, M. After a short honeymoon, are Iran-Taliban relations deteriorating? / M. Sofuoglu // TRT World : [сайт] – 2021. – 9 сент. – URL: <https://www.trtworld.com/magazine/after-a-short-honeymoon-are-iran-taliban-relations-deteriorating-49838> (дата обращения 03.05.2022).
15. Lederer, E. Russia says it’s in sync with US, China, Pakistan on Taliban / E. Lederer // Associated Press : [сайт] – 2021. – 26 сент. – URL: <https://www.military.com/daily-news/2021/09/26/russia-says-its-sync-us-china-pakistan-taliban.html> (дата обращения 04.05.2022)
16. Коргун, В. Афганистан в начале XXI века / В. Коргун. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2004. — 191 с. – ISBN 5-89394-132-2.

17. Anderson, S. History and Recognition of the Taliban / S. Anderson // Lawfare : [сайт] – 2021. – 26 авг. – URL: <https://www.lawfareblog.com/history-and-recognition-taliban> (дата обращения 10.05.2022).
18. Дьяконова, М.А. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / М.А. Дьяконова // Материалы VII международной научно-практической конференции / Благовещенский государственный педагогический университет, Хэйхэский университет. – Благовещенск, 2017. – С. 642–645.
19. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on August 16, 2021 // Consulate-General of the People's Republic of China in MUMBAI. – 2021. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgmb/eng/fyrth/t1899785.htm> (дата обращения 11.05.2022).
20. Белокреницкий, В.Я. Вооруженный экстремизм в Афганистане, Пакистане и Центральной Азии: взгляд из России / В.Я. Белокреницкий // Пути к миру и безопасности. — 2017. — № 1. — С. 205-212.
21. Дьяконова, М.А. Интересы России и Китая в Афганистане / М.А. Дьяконова // Материалы 22-й Международной научно-практической конференции / Государственный университет управления. – Москва, 2017. – С. 183–186.
22. Дьяконова, М.А. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / М.А. Дьяконова // Материалы VII международной научно-практической конференции / Благовещенский государственный педагогический университет, Хэйхэский университет. – Благовещенск, 2017. – С. 642–645.
23. Shams, S. China and Russia want US out of Afghanistan / S. Shams // Deutsche Welle : [сайт] – 2017. – 14 июня. – URL: <http://www.dw.com/en/china-and-russia-want-us-out-of-afghanistan/a39250894> (дата обращения 13.05.2022).
24. Ахмад Зия, С. Региональные усилия России по борьбе с афганским наркотрафиком / С. Ахмад Зия // Постсоветские исследования. — 2019. — № 1. — С. 845-854.

25. Ахмад Зия, С. Взаимодействие России с США и НАТО в борьбе с наркоугрозой / С. Ахмад Зия // Постсоветские исследования. — 2018. — № 1. — С. 47-57.

26. Goodhand, J. Corrupting or consolidating the peace? The drugs economy and post-conflict peacebuilding in Afghanistan / J. Goodhand, // International peacekeeping. – 2008. – Vol. 15, Iss. 1. – P. 405-423.

27. Morgan, N. What are Turkey's ambitions in Afghanistan after the US' withdrawal? / N. Morgan // NewEurope : [сайт] – 2021. – 17 сент. – URL: <https://www.neweurope.eu/article/what-are-turkeys-ambitions-in-afghanistan-after-the-us-withdrawal/> (дата обращения 13.05.2022).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

«25» 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Влияние ситуации в Афганистане на международные отношения
на современном этапе

Руководитель

24.05.22
подпись, дата

доцент, к.ю.н

должность, ученая степень

Э.А. Павельева

инициалы, фамилия

Выпускник

 24.05.22
подпись, дата

Л.И. Фурштейн

инициалы, фамилия

Красноярск 2022